

4 ноября 2008 года известному одесскому конференсье, артисту эстрады Аркадию Савельевичу Астахову исполнилось бы 100 лет...



Какой одессит не артист разговорного жанра? Но чтобы в этом число одесском занятии стать одним из первых, действительно нужно было

Георгий ГОЛУБЕНКО,
Леонид СУЩЕНКО,
Валерий ХАИТ

МОНОЛОГ ОДЕССКОГО КОНФЕРАНСЬЕ

(Из юбилейной программы Аркадия Астахова
"Полвека на эстраде")

А. АСТАХОВ: Пока следующий артист готовится к своему выступлению, возникла пауза. А паузы в концерте, как известно, заполняет конференсье. Я, например, делаю это уже пятьдесят лет. Что вам сказать? За эти годы на эстраде многое изменилось. Причем кое-что даже к лучшему.

Взять, скажем, электрификацию всей страны. Какое отношение это имеет к эстраде? Сейчас поймете.

Например, о чем спрашивал раньше, ну, скажем, эстрадный певец перед концертом? Он спрашивал, какая сегодня в зале публика? Какие песни она предпочитает?

А что он в первую очередь спрашивает сегодня?

— Какое у вас тут напряжение?

«ПОЛВЕКА НА ЭСТРАДЕ, СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН РАДИ...»

иметь талант. Именно таким талантом и обладал в полной мере Аркадий Астахов.

Причем он нравился всем. И тем, кто предпочитал так называемую одесскую экзотику в ее чуть ли не первозданном виде, — я имею в виду часто исполняемые артистом куплеты "У нас в Одессе это не едят..." — и тем, кто любил легкий, но в то же время элегантный одесский юмор, — я имею в виду участие Астахова в знаменитых одесских капустниках. Открытость хорошему вкусу, думаю, шла у него от дружбы с такими корифеями театра и эстрады, как Леонид Утесов, Аркадий Райкин, Зиновий Гердт; работа со Жванецким, Карцевым и Ильченко.

Мне вместе с моими друзьями и соавторами Георгием Голубенко и Леонидом Сущенко посчастливи-

лось в начале 80-х работать с Астаховым. Он был директором, или, как говорили тогда, бригадиром нашей эстрадной группы, выступавшей с литературной программой, носившей самоуверенное и легкомысленное название "Улыбки Одессы".

Мы объездили с ним почти всю страну — от Бреста до Новокузнецка, от Ульяновска до Нальчика. Помнится, вместе с Аркадием Савельевичем мы дали свыше пятисот концертов, причем не было случая, чтобы залы не были полны под завязку. И не потому, что мы были так уж знамениты, — успехи одесситов в КВНе уже давно отошли в прошлое, просто на афише стояло слово *Одесса*, а этого во все времена было вполне достаточно, чтобы, как минимум, собрать публику. Правда, то, что публика так же энергично ломилась и на вторые,

и на третьи концерты в одном городе, была заслуга не только наша, но и, конечно, Аркадия Астахова.

Эти наши совместные поездки, эти нескончаемые истории "от Астахова" забыть невозможно. Много вошло со временем в наши тексты, в воспоминания, в устные рассказы.

Сейчас же я хочу привести один монолог, который вошел в программу, написанную нами для замечательного артиста и нашего доброго друга ко дню его 75-летия. В нем Аркадий Савельевич такой, каким мы себе его тогда представляли, и каким мы помним его до сих пор.

Но перед этим две цитаты. Одна из самого Аркадия Савельевича. Как-то посмеиваясь над тем, что я перед каждым концертом страшно волнуюсь, он сказал: "Хаит так часто

волнуется, что делает это уже совершенно спокойно". И вторая цитата — слова народного артиста СССР главного режиссера Свердловского театра музыкальной комедии Владимира Курочкина (в его театре впервые увидела свет наша первая пьеса "Старые дома"). Когда мы ему рассказали об Астахове, он сказал: "Как же, как же, я его отлично помню: он был первым во втором эшелоне". Ничего обидного для нашего друга и наставника мы в этой фразе не услышали. Да, он не был маршалом эстрады, но он был ее полным генералом — первым среди тех, кто на необозримых российских просторах в течение десятков лет творил свое веселое и доброе дело...

А теперь обещанное.

Валерий ХАИТ.

Такое впечатление, что вечером он собирается выйти на сцену не петь, а побриться!

Я понимаю, что не открываю никаких америк. Уже много говорили и спорили о так называемых "микрофонных" певцах. Хорошо это или плохо? Меня интересует другое: почему раньше этот вопрос как-то не возникал? Ну ладно, не было микрофонов. Но другие же звукоусиливающие приспособления были?! Например, рупор! Но почему-то никому и в голову не приходило выйти на сцену с рупором! Как-то люди понимали, что если у тебя нет голоса, то стоит ли об этом так громко кричать?! А сейчас это почему-то никого не смущает...

Ну ладно, если такой певец выступает один. А если их кричит, или, как сейчас говорят, поет целый вокально-инструментальный ансамбль?!

А если у них еще и ударник, так сказать, с хорошо поставленным ударом?!

Ну бог с ними, с нашими барабанными перепонками! В конце концов, мы прошли войну и слышали и не такую канонаду!

Но это даже экономически невыгодно!

Вы знаете, сколько электричества расходует один такой ансамбль ну, скажем, за год? Уму непостижимо! А их же много! Представляете?!

Это же никакие великие реки Сибири не справятся!..

Теперь возьмем артистов разговорного жанра. Тут свои проблемы.

Но с чем у нас сегодня хорошо, так это с пародистами-имитаторами.

Нет, действительно, подражают многие, подражают удачно. Но вы знаете, я заметил странную закономерность: чем больше артистов-подражателей, тем меньше артистов, которым действительно хочется подражать!..

Что же касается нас, конференсье, то нас действительно осталось совсем мало. Это когда-то у нас в Одессе, как говорится, бросишь камень — попадешь в конференсье! Должен вам сказать, что этим пользовались. И бросали, и попадали. Причем довольно часто. И вот результат. Конференсье стали представителями вымирающей профессии.

Что ж, от правды не уйдешь. Конференсье действительно вымирают. Как мамонты. Я один из последних. Да, может быть, мы сегодня уже не нужны.

Что ж, в чем-то мы и сами виноваты. Наверно, мы слишком долго пытались поднять зрителя до своего уровня и как-то пропустили момент, когда уже нужно было начать делать наоборот!..

Но, кстати о мамонтах!

Сперва тоже казалось, что они никому не нужны. Но стоило им исчезнуть, как челове-

чество тут же схватилось за голову: "Где наши мамонты?! Почему мы их не видим?! Нам без них скучно!..."

А вдруг так же получится и с конференсье?..

В общем, что я предлагаю? Сейчас, по слухам, существует такая "Красная книга". Туда записывают всех, кого на Земле осталось мало. Вот недавно белых лебедей записали. Теперь они жильем обеспечены, кормом... А что если записать в эту книгу конференсье?! Нет! Не ради жилья и корма, конечно, птицы не такого полета!.. Но хотя бы такое, как к енотовидным собакам, мы, по моему, все-таки заслуживаем!..

Да, пятьдесят лет я провел на эстраде. И теперь меня иногда спрашивают: "Ну и что? Что вам дала эта эстрада? Вы не стали ни заслуженным, ни народным!..". Что ж, это правда. Но я думаю так: что лучше заслуженно не быть заслуженным, чем незаслуженно быть народным... И вообще, разве вопрос в том, что дала мне эстрада? Вопрос в том, что я ей дал. А точнее, вам — моим зрителям. И если это все-таки произошло, если за пятьдесят лет я все же доставил вам в сумме хотя бы несколько часов радости, значит, мне удалось не так уж мало!..

Алена ЩЕРБАКОВА

ЗАПИСИ С БЕЗЫМЯННОГО ОСТРОВА

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Острову Крым

Вот и рай — ни земли, ни пыли,
Корабли, корабли кругом,
Весла ветра, что не остыли,
Парус неба от бурь не гол.
То ли берег от верст качало,
То ли взорван причал тишиной,
Только день, как слова, нечаян,
Рвет, встречая, канаты снов;
Тянет воздух, знанием обжит,
Не объявлен и не изъят.
То ли здесь поселилась без кожи
Неотступная тень моя,
То ли кто-то бредет, узнавая,
Рассекая не прерванный знак,
Расставаясь сто раз и встречаясь
Сам с собою в ветрах-зеркала.
Город-бухта из камня и крыльев,
Город-пристань для Никого,
Утаи мою боль под мантилью
Затонувших фрегатов-Львов.

О ТЕБЕ

Это море здесь говорит
о тебе, любимый.
Сотни тысяч волн
вздывают зеленый залив,
Как встревоженный зверь,
как этажи верлибров...

Исколот мне сердце
лунный осколок прилива.
Это мне кипарисы
вышептывают моленье,
Серебро с их плечей
мои украшают губы,
Заблудившийся голос
в ночи олений —
В лете таюшем,
круто идущем на убыль...
Только море здесь
все насыщает сонность
И стоюстой воспоминанья
о дивном, о донном,
О песках золотых,
оцелованных тишиною,
Корабельных срубках
последнего Ноя;
И о чем-то,
как сердце древнем и мглистом,
Одинокого зверя —
подводного альпиниста.

КАК БОЛЬ

Скажи мне "чудо" на эльфийском,
На киммерийском спой со мной,
Ты подошел ко мне так близко,
Как боль.
У музыки есть литорали
И горизонты, и пароли,
И явственность ее деталей
На нашем теле, как кораллы,

Как жемчуга, как цвета блики...
Скажи "люблю"
мне на эльфийском,
Ты так сыграл меня, что близко...
Мы как Улиссы.
Скажи мне "море"... — алой стаей
Взметнется странствий
небывалость,
Окрасив северную наледь.
Ты так любил меня, что встанем
И небо разольем в бокалы...

ПРИЗНАНИЕ

Египтянин, шаман и мистик,
Профиль твой — украшение монет,
Ты хранитель музыки чистой —
У меня и монеты нет,
А не то что для переправы,
Потому как жесток наш рок,
Ибо тот и есть богоравный,
Не в отечестве, не пророк.

Ты алхимик и зверь, и ангел,
Живописец, тореро, корсар,
Мы танцуем фатальное танго
На эпохах и мертвецах.

Официанты разносят мусор
По музеям и проводам.
"Много знания — многая грусти", —
Аксиому философ дал.

Обитатель, вождь Атлантиды,
У тебя, видно, горький дар...
Я планидам тебя не выдам,
Я же песней тебе воздам.

Я готова стать тебе нотой,
Прозвучавшей наверняка,
Оглянувшись, как спутница Лота
Соляным изваяньем стиха.

БЕС СНА

Скорее не сумрак,
а тени с плечей океанов
Стекают, холодные, длинные,
острые тени бродячего утра,
Абстрактные улицы
перечеркнувший туман
Вползает под брюки и куртку.
Здесь все обступило молчаньем
и дрожью камней,
Закованных в плоти домов
или в готику плоти,
Ничто так не вводит в тоску,
как скольжение теней,
И ночь на излете.
И Муза печальна,
и точно пугливая лань,
Мне руки уже не кладет
и на плечи,
Когда-то ее ублакою в славе,
сорвавши гортань,
Но и не сорвавши — не легче.



СКАЗКА

Духи глубокого леса,
Прочные Первозвери —
В дупле, и вдыхают Дерево,
И Первозверям весело;
Прелью грибной согреты,
Они от нас всего в метре... Но!
Оне затаились качественно —
Звери знаю как прячутся!
Золотой паутинный верлок,
Сказывает старинное, —
Поводом для картины
Зреющему невинное.

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы.
Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка:
компьютерный центр ТИА "Вікна-Одеса"
(тел. 372-572).

Регистрационное свидетельство N 508.
Тираж 1000. Заказ N 88.
Газета отпечатана в ИПП "Печатный дом".

Адрес редакции:
65014, Одесса,
ул. Маразлиевская, 7.
Тел. 725-45-67,
725-53-68
www.odessitclub.org.